

ДИВНЫЙ НОВЫЙ РМ

18+

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАН

Александра Лазан

Дивный Новый Рим

«Автор»

2026

Лазан А.

Дивный Новый Рим / А. Лазан — «Автор», 2026

Для Аттии Аквилины мир рухнул не тогда, когда императорский дворец обратился в руины, а когда она поняла, что не помнит последних полутора лет. Она помнит всё до этой черты: древний патрицианский род, службу в Юстиции, работу на Сопротивление и брак с трибуном Домицием — железной рукой Республики. Но что привело её во дворец с оружием в руках? И почему единственный, кто может знать ответ, объявлен врагом государства номер один? Пока Рим затягивает гайки тотального контроля, а тайная полиция выжигает магию новым сканером, трое ведут смертельную партию: Аттия — агент под прикрытием, для которой стёртая память опаснее любого допроса; Домиций — трибун, готовый переписать правду, лишь бы удержать контроль над рушащимся порядком; Руфин — беглый создатель машины поиска магов, потерявший память ровно о тех же полутора годах. В мире, где каждый шаг фиксируют сенсоры, а союзники опаснее врагов, правда — не спасение. Правда — это приговор.

© Лазан А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аттия	5
Глава 2. Домиций	9
Глава 3. Руфин	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Лазан

Дивный Новый Рим

Глава 1. Аттия

— Аттия!

Вопль врзается в отдалённый шум сражения. От этого голоса мурашки пробегают вверх по шее и рассыпаются в тёмных волосах. Бой идёт за стенами полукруглого коридора, обрамляющего приёмную залу императорского дворца.

Аттия моргает. Затем ещё раз, как будто яркий свет мешает ей видеть и ориентироваться. Но в коридоре свет тусклый. Не в нём проблема, а в зияющей пустоте в голове, там, где обычно господствуют мысли.

Только что она была в Меркуриалисе на улице Семита Сомниорум, в компании Гортензия, Валерии и Руфина, а в следующее мгновение стоит посреди дворцового коридора.

— Аттия! — судя по звуку, кричавший за её спиной не приближается. Аттия застывает, не обернувшись.

Ощувив чужие руки на талии и плече, она всматривается в человека, который ближе и держит её в объятиях. Его прерывистое дыхание обжигает кожу. Он в светло-серой робе, такие предназначены для узников подвалов в Юстиции. На одежде багровые пятна, тёмные и ещё влажные. Коротко остриженные рыжие волосы слиплись от крови и серой каменной пыли, торчат непокорными прядями. Впалые щёки с россыпью веснушек, которые сейчас проступают, как грязь на мертвенно-бледной коже. На его лице кровавые разводы и след от узкой ладони на щеке.

Имя пререзает пустоту её сознания, как вспышка света: Гай Руфин Фабр! Только очень бледный и похудевший. Руфин держит её и смотрит так же ошалело, как и Аттия на него. Под её пальцами шершавая текстура униформы. Секундными образами она вспоминает дождь на улице, залитой неоновым светом, отряд легионеров, собственное сбившееся дыхание, боль под рёбрами справа — от быстрого бега, и Руфина, отставшего от группы.

— Руки прочь от неё, урод! Отпусти, или я голову с тебя сниму!

Руфин резко отстраняется, отпустив Аттию. На его рукаве остаётся отпечаток такой же, как на лице, и Аттия поднимает руку ладонью кверху. Реальность обретает пугающую ясность. Возле них, вдоль стен, валяется десяток, если не больше, мёртвых тел. И это её, Аттии, руки в крови. Она невольно вытирает ладони о серое с золотом одеяние служащей Юстиции.

В синих глазах Руфина ей видится та же растерянность и ужас, которые сковали и её саму. Он хочет что-то сказать. Губы шевелятся, складываются в немую гримасу, но из пересохшего горла вырывается лишь хриплый стон, тонущий в гуле сирен и далёких взрывов.

Он тоже ничего не понимает.

— АТТИЯ!

Голос надтреснутый, наполненный такой нечеловеческой злостью, что внутренности Аттии сводит холодом. Этот голос не сулит ей ничего хорошего.

Оба — она и Руфин — вздрагивают и резко, почти синхронно, поворачивают головы на звук.

В дальнем конце коридора, залитого мерцающим сине-пурпурным светом аварийного неона, в клубах медленно оседающей пыли, стоит он. Марк Домиций Агенобарб. Муж Аттии.

Его высокая фигура, всегда такая прямая и подтянутая, сейчас слегка сторблена. Чёрно-золотая форма военного трибуна помята, на рукаве зияет рваный разрез, из которого торчат нити броневого ткани. Лицо, обычно холодное и собранное, — идеальная маска римского офи-

цера — теперь искажено до неузнаваемости гримасой чистой, не сдерживаемой ненависти. Челюсти сжаты, губы — белая полоса, а глаза... Когда-то Аттия считала их красивыми. Сейчас они чёрные, в них отражаются блики аварийных огней. И они прикованы не к ней, не к багровым пятнам на её платье и дрожащим рукам, а только к нему. К Руфину. К мужчине, который только что держал в руках его жену.

Что-то удерживало Домиция, не подпуская его к окровавленной паре, а затем это что-то исчезает, и он делает первый шаг. Подкованный ботинок гулко опускается на залитый мрамор. Потом другой. Он не бежит, а наступает — медленно и неотвратно. Каждый шаг отдаётся в Аттии глухим ударом под рёбрами.

Руфин замирает. Он с судорожной силой впивается в испачканную ладонь Аттии. На миг ей кажется, что он хочет подтянуть её к себе и спрятаться за ней. Его зрачки сужаются в точки. Он смотрит на неё взглядом приговорённого.

И в нём неозвученная просьба о прощении. Попытка объяснить необъяснимое. И безоговорочное понимание, что всё кончено. Домиций растерзает его прямо здесь, на её глазах, и его кровь зальёт бледное лицо. Смешается с чужой, уже засохшей на коже.

Руфин резко, с силой отталкивает её.

Аттия отступает, ноги подкашиваются, она спотыкается о что-то мягкое и скользкое на полу. Едва не падает на колени в тёмную лужу, растекающуюся из-под тела префекта Публия Лициния Галлиена. Он лежит в нескольких шагах, неестественно скрюченный, с остекленевшими глазами, уставившимися в дымный потолок.

Аттия зажимает рот ладонью. Ей удаётся устоять, но, когда она снова оборачивается к Руфину, его уже нет. Воздух с силой опадает, колыхнется, как тяжёлый занавес после падения. Потом затихает. А бывший узник подвалов Юстиции испарился.

Аттия остаётся одна посередине длинного коридора. В оглушительном вое сирен, нарастающем за стенами, и треске горящей электроники. Она опускает руки, инстинктивно сжимает пальцы. Бессмысленно ищет опору — то чужое сердце, которое только что исчезло, оставив после себя лишь вопрос.

Что происходит?

Домиций, не сбавляя шага и не меняя выражения лица, проходит последние метры, которые отделяют его от места, где только что был его враг. Его ярость не гаснет, но в ней появляется трещина. Взглядом он скользит по точке исчезновения, по лицу Аттии, застывшему в немом вопросе, по её беспомощно опущенным рукам. Он пересчитывает расклад.

Она только что потеряла последнее, что ещё держало её в реальности, и теперь балансирует на грани.

Марк Домиций Агенобарб не останавливается и не задаёт вопросов. С безжалостной эффективностью, за которую его ценили в легионе, он на ходу меняет цель. Вместо того чтобы неистовствовать, он наклоняется и подхватывает Аттию на руки, прижимает к себе с такой силой, что у неё темнеет в глазах.

— Всё кончено, — его голос хрипит у неё над ухом без единой ноты тепла или облегчения. Слова, больше похожие на приказ, чем на утешение. — Я отвезу тебя домой. Всё кончено.

Аттия прячет лицо в грубой ткани его мундира, пропахшей едким жжёным пластиком и каменной пылью. Его знакомый запах пробивается через смрад меди и гари. От этого контраста ей становится легче.

Её муж — военный трибун. Приверженец закона, иерархии и дисциплины. Многие из Сопrotивления назвали бы его злом. Но он — известное зло в мире, где Аттия перестала понимать, что происходит.

Он разворачивается, легко держа её на руках — трофеем, вырванный у хаоса. И именно в этот момент из того же бокового прохода, откуда пришёл Домиций, высыпает легионеры.

Их шестеро. Броня чёрного и золотого цвета, испещрённая царапинами и свежими вмятинами, не отражает аварийное освещение. Шлемы с затемнёнными щитками скрывают любые намёки на человечность, превращают их в безликие машины. В их руках угловатые импульсные винтовки — пилумы. С тихим жужжанием оружие активируется. Легионеры наводят его на Домиция. На них.

— Стоять! На землю! Немедленно! Руки за голову! — голос из-под шлема металлический, лишённый эмоций. Голос самой Системы.

Домиций замирает. Аттия чувствует, как он напрягается. Как превращается в стальной канат каждая мышца его спины и рук. Сердце, к которому прижато её ухо, на секунду замедляется, а потом начинает биться с новой, адреналиновой силой. Но его голос, когда он говорит, ровный и властный. Пронизан той сталью, которую даёт только привычка командовать или врождённое право повелевать.

— Опустите оружие, — говорит Домиций и делает паузу, возвращаясь в привычную роль. — Я — Марк Домиций Агенобарб, Старший Военный Трибун Ангустиклавий Восьмого легиона, Молниеносного, Столичной префектуры. Вы только что упустили государственного преступника, мага Руфина Фабра. Он скрылся, используя запрещённые артефакты. — Его взгляд скользит по щиткам легионеров, не видя глаз, но находя слабые точки, останавливается на старшем по нашивке на плече. — Моя жена — пострадавшая, жертва его чёрной магии и погрома. Она в шоке, ранена и нуждается в срочной медицинской помощи. Ваша задача — найти этого выродка, а не паяльница на меня и мешать эвакуации.

Трибун не ждёт ответа. Он идёт прямо на них. Его уверенность — живая стена, перед которой они рефлекторно отступают. Легионеры молча пропускают его. Дула винтовок опадают. Никто не решается оспорить право трибуна унести свою добычу.

Он несёт жену дальше, по бесконечным, похожим друг на друга, как ячейки улья, коридорам дворца императрицы. Смотровые камеры на стенах ослепли, их линзы треснули. Дымят искрящиеся панели управления, испускают едкий запах гари. Тела. Тела в форме служащих Юстиции, в броне легионеров, в дорогих помятых костюмах патрициев. Их уже прикрывают брезентом, но багровые лужи проступают сквозь ткань, расплзаясь по полу. Повсюду снуют люди. Медики в мятном и медном оказывают помощь пострадавшим. Техники в фиолетовой форме латают повреждения. Легионеры ставят временные блокпосты.

Свет мерцает, ненадолго гаснет. Коридор погружается в кромешную тьму. Потом снова вспыхивают тусклые аварийные фонари. Стерильный голос из динамиков объявляет о полной блокировке секторов и введении комендантского часа. Сирены воют всё ближе, их многослойный звук проходит сквозь стены, ввинчивается в виски, в самое нутро.

Аттия не видит лица Домиция. Только резкую, чисто выбритую линию челюсти, сжатой так, что мышцы на ней перекатываются жёсткими узлами. Капля пота скатывается по его виску, пробиваясь сквозь тонкий слой серой пыли на коже.

Домиций не смотрит на неё и ничего не говорит. Пальцы сильно впиваются в её бок сквозь тонкую окровавленную ткань. Завтра там останутся синяки. Но она не сопротивляется.

Аттия закрывает глаза, пытаясь спрятаться от этого безумия, от цирка ужасов, в который она попала. Но картинки продолжают вспыхивать и прожигать её изнутри, яркие, как молнии. Синие глаза, полные немного ужаса и просьбы о прощении. Искажённое яростью, почти незнание лица мужа. Кровавый пол. Влажный, противоестественный звук исчезающей реальности.

Она знает, подспудно знает, что причастна к этому побоищу, но совершенно не помнит как.

Домиций тем временем выходит на широкую лестницу перед главными воротами дворца. Прохладный воздух немного отрезвляет Аттию. Яркий свет слепит. Только в мягком полумраке гравикара Домиция она осматривается по сторонам. Он устраивает её на сиденье и при-

стёгивает всеми ремнями — скорее для того, чтобы она не сбежала, чем для безопасности. Шестиугольная площадь с фонтанами, цветами и лужайками заполнена служебным транспортом вигилов, военных и медиков. Люди работают слаженно, как единый механизм.

Аттию отвлекает стук захлопнувшейся двери. Домиций садится не рядом, а напротив неё. Против хода машины, но его это, похоже, не беспокоит. Гравикар начинает движение. Знак военного трибуна Восьмого легиона на стекле позволяет им преодолеть блокпосты без лишних остановок.

Домиций протягивает Аттии платок, но она лишь сжимает его в ладони и жадно осматривается по сторонам, выискивая изменения на дворцовой площади, улицах, огромных голографических экранах, стенах зданий. Вроде всё, как она помнит, но мелкие изменения цепляют глаз, тревожат разум.

— Объяснишь, что произошло? — он обращается к ней так же, как говорил с легионерами во дворце, холодно и повелительно. Аттия несколько раз моргает, переводит взгляд на супруга.

— Я не знаю.

— Незачем мне лгать, Аттия.

В нём тоже есть изменения, которых ещё «вчера» не было. Появилось напряжение в лице, скулы заострились, морщинки окружили глаза.

— Я не знаю, — повторяет она, вглядываясь в Домиция. Понимает, что для таких изменений требуется время. — Какой сегодня день?

— Шесть дней до декабрьских ид.

Аттия тихо выдыхает. Задание, после которого начинается провал в её памяти, было в июне. Значит, она потеряла полгода. Но чьими усилиями? «Туман»? Юстиция? Домиций? Сами сопротивленцы? Или Руфин? Что за вина плескалась в его глазах?

— Какого года? — спрашивает она.

Домиций называет.

Аттия будто получила под дых. Молчит целую минуту, откинувшись на спинку сиденья. Полтора года, а не половину...

— А Инфосеть почему не работает?

— Я думал, ты мне скажешь, — сквозь маску непоколебимого трибуна пробивается беспокойство. За двенадцать лет совместной жизни Аттия не припомнит, чтобы он о ней беспокоился. За тринадцать с половиной, если учитывать провал.

— Она отключилась после второго взрыва. Наверное, маги разрушили серверные хранилища.

Это вряд ли. Сложно придумать тайну, которую Республика хранит ревностнее, чем расположение серверных хранилищ Инфосети, связывающей воедино всех граждан.

Домиций забирает платок и сам стирает с её лица кровь, оставляя розовые полосы на коже.

— Что с тобой?

Аттия отстраняется. Глаза серо-стального цвета в упор смотрят в лицо трибуна, пока она решает, говорить или нет.

— Для меня ещё час назад были июньские календы позапрошлого года, — признаётся она, видя в правде единственный вариант.

Домиций застывает, переваривая новость.

— Грёбанный Руфин! — Он отбрасывает платок в сторону. Его выражение лица меняется. Домиций снова делает это — пересчитывает расклад.

Глава 2. Домиций

Те июньские календы Марк Домиций Агенобарб помнит очень хорошо. В тот день он узнал две принципиально важные вещи об Аттии Аквилине: что у неё есть характер — его хрупкая, недалёкая супруга одним ударом заставила его гортань схлопнуться, когда он разозлил её. И что у неё есть магия — она же вернула ему дыхание, когда он беспомощно ловил ртом воздух на мраморном полу их дома.

День, когда она, блестящая актриса, перестала притворяться. День, когда весь его мир, спланированный до мельчайших деталей, был стёрт и нарисован заново её рукой.

Сейчас он вглядывается в знакомое до последней черты лицо и не находит в нём той женщины, которая отравляла ему жизнь последние полтора года и занимала все его мысли. Той, что с небывалой стойкостью приняла неизбежность ареста, когда «Ретина Сага» заработала. Той, что явно стояла за планированием сегодняшнего погрома.

Аттия, которая сидит сейчас напротив с расширенными от удивления глазами и впитывает изменения вокруг, — совсем другая. Прежняя, робкая, скучная. Брак с ней — жертва, принесённая Домицием ради карьеры. Она представительница одного из самых старых патрицианских родов, основанных ещё в царском периоде, но, кроме родословной, в ней ничего интересного не было.

— При чём тут Руфин? — спрашивает она.

Домиций всматривается в её пустые серые глаза, пытаясь разгадать — она действительно не знает, или это новая роль, с которой ему придётся иметь дело.

— При том, что твой приятель Гай Руфин Фабр — маг.

Аттия хмурится.

— Он не мой приятель, — в её голосе даже как будто вызов, но это совсем не то, к чему он привык. Она отрицает только их отношения, но не принадлежность Руфина к магам. А как насчёт её принадлежности к магам? Это она помнит?

Гравикар съезжает со скоростного пути на дорогу более низкого уровня. Впереди крупная авария — несколько машин столкнулись, без Инфосети управляющие системы ослепли. Судя по месиву, в которое превратился транспорт, есть и пострадавшие.

Домиций откидывается на спинку сиденья и вслед за Аттией смотрит на происшествие через окно. Во дворце тоже думали, что все меры безопасности приняты, однако скольких сенаторов, префектов и других важных людей они не досчитаются, когда разберутся с телами погибших.

— Мы едем не домой, — Аттия отрывает его от мыслей. Она заметила, что дорога, по которой они едут, ведёт не к региону Квиринал, где живут патриции, а к Капитолию. К центру власти и управления, где сосредоточены все основные департаменты Республики.

— Едем, — отвечает Домиций, — впереди препятствие, и нужна объездная дорога.

— Нет, не едем, — дорогу на Квиринал она может отличить даже без Инфосети.

Аттия не оставляет ему выбора. Домиций вынимает из панели в стенке гравикара крохотный иньектор, которым собирался воспользоваться ещё в начале приёма, но передумал. Он знал, что она задумала что-то для вечера, на котором работу «Ретина Сага», изобретения одного из отделов Юстиции, собирались продемонстрировать императрице. Но такого размаха не ожидал.

Единым резким движением он всаживает тонкую иглу прямо через серебристую ткань в бедро Аттии и нажимает на прозрачную кнопку.

Её глаза удивлённо расширяются, а уже в следующее мгновение она безвольно наклоняется вперёд, удерживаемая только ремнями безопасности. Домиций устраивает её на сиденье. Остаток пути проходит в тишине. Всю дорогу он пытается придумать правдоподобную версию.

Маги устроили настоящее нападение на дворец императрицы и существующий в городе, да и во всей Республике, порядок. И его жена к этому причастна. Всё, что он строил десятки лет, рассыпалось за несколько часов.

Ну, может, не за несколько. Последние полтора года Домиций знал, что она — одна из магов. Знал, что она с друзьями из Сопротивления пытается изменить их статус врагов народа в Республике. Но он не мог выдать её властям, ведь вместе с ней погорел бы сам, и вся его семья — как пособники. Аттия крепко держала его за горло, а он только и мог, что подстраховываться, ненавидеть её и невольно восхищаться ею.

Домиций смотрит в затемнённое стекло, но видит не мелькающие огни Рима, а её в дворцовом коридоре. Этот взмах руки, изящный, отточенный, смертоносный. И алый веер брызг на мраморе позади префекта Лициния.

Он сжимает кулаки, чувствуя, как под тонкой кожей перчатки перекачиваются напряжённые, готовые взорваться сухожилия.

Нет. Не сейчас. Не сейчас. Сначала — контроль. Ему нужен план, нужно собрать мозаику воедино, понять, как выбраться из этой бури. Не время злиться. Эмоции — это слабость, а слабость сейчас будут вынюхивать, как охотничьи псы.

Транспорт бесшумно останавливается на закрытой площадке Командного пункта Легионов, расположенного в стороне от главной башни Военного Департамента. Весь квартал — сплошь небоскрёбы из матового стекла и полированного чёрного сплава. Двери гравикара открываются сами, впуская холодный воздух. Домиций выбирается наружу, смотрит вверх на сотни окон, за которыми кипит работа. Небывалое событие для Департамента — враги ударили в самое сердце Республики.

— Господин префект.

Блез. Тиберт Семпроний Блез — легат-квестор Восьмого легиона. Правая рука Домиция. Человек в чёрном костюме, с вытянутым лицом, которое, кажется, незнакомо ни с улыбкой, ни с гримасой страдания. Его появление здесь, сейчас, вместо вигилов «Тумана» и гвардейцев императрицы — добрый знак. Домиций коротко и по-деловому кивает, делает шаг вперёд. Но Блез, оставаясь невозмутимым, слегка поднимает руку и преграждает дорогу.

— Её лучше сразу в медицинский изолятор. До оглашения официальной версии и полной стабилизации состояния. Процедура предписанная.

В глазах легата-квестора нет ни капли сочувствия. Как и осуждения. Он всё рассчитал.

Домиций оглядывается. Двое легионеров из его личной охраны уже вынимают Аттию из машины. Она стонет, слабо, едва слышно, тело обвисает, как тряпичная кукла.

Он резко отворачивается, подавляя порыв забрать её из чужих рук.

— Обращаться как с пострадавшей высшей категории. Никаких вопросов. Никаких записей в общий протокол. Понятно?

— Так точно, префект.

Он входит в здание, не оглядываясь. Аттию уносят к отдельному лифту.

Командный центр гудит, как гигантский серверный зал. Десятки голограмм мерцают в искусственном полумраке. На них мелькают карты города, испещрённые алыми отметинами, списки задержанных, отрывочные, заиклинные кадры с камер наблюдения с улиц, домов, из самого дворца. Голоса операторов, сдавленные и напряжённые, сливаются в единый тревожный гул.

Пока поднимается, он слышит довольные выкрики и даже аплодисменты, и через секунду понимает их причину — Инфосеть снова заработала, винкулум подключился. Домиций, как и все граждане, с детства привыкший к чувству причастности и связи, испытывает острое облегчение. Он сжимает правую руку в кулак, ткань перчатки подстраивается под напряжение, готовая отреагировать на любую команду.

Все оборачиваются, когда он пересекает зал. Лица служащих полны немого ожидания. Он проходит сквозь этот строй, не глядя на них, направляясь напрямик в кабинет-аквариум с панорамным остеклением на город. Чувствует их взгляды на спине — тяжёлые, как свинец.

Ему осталось властвовать пару часов. Едва появится кто-то из старших чинов — легат Гай Юлий Север или трибун латиклавий Публий Клавдий Валериан, Домиция и Аттию отправят в подвалы Юстиции. И это в лучшем случае. А если за расследование возьмётся «Туман» — они просто исчезнут.

Дверь закрывается за его спиной с тихим щелчком герметизатора, отсекая весь внешний шум. Домиций подходит к стене-экрану, жестом руки, затянутой в перчатку-манипулятор, меняет настройки стекла. Город исчезает, растворяясь в бархатной черноте. Только теперь трибун позволяет себе сделать глубокий, прерывистый вдох.

Линза в правом глазу — часть винкулума, как и перчатка, проецирует сводки потерь прямо на сетчатку. Домиций видит много знакомых имён, но вниманием его завладевает Публий Лициний Галлиен.

Достаточно подумать о нём — и система разворачивает запись с камер дворца, где его жена хладнокровно убивает префекта Следственного Отдела Юстиции. Он проводит рукой по лицу, ощущая слой усталости на коже, не представляя пока, как собрать обратно свой развороченный мир.

Жестом ладони Домиций сдвигает в сторону прозрачный экран, разворачивает другой и вызывает помощника.

— Блез.

Пока ждёт, он вызывает полупрозрачное окно с кадрами из дворца — уже помеченными грифом Департамента. Вот она, его Аттия, движется с неестественной грацией. Вот падает Сцевола, его горло — один сплошной красный разрез. Вот легионеры, отброшенные назад взмахом её руки. Вот Лициний и потоки крови, стекающие на гладкий мраморный пол. Вот он сам, Домиций, с лицом, искажённым не столько ужасом, сколько животной яростью, бросается не на неё, а на этого жалкого, затравленного рыжего ублюдка Фабра.

Трибун останавливает кадр, увеличивает лицо Руфина до максимума. Испуг. Растерянность. Шок. Но не удивление. Скорее: «что происходит?» Чем: «кто ты такая?» Домиций давно подозревал, что рыжий как-то связан с его женой, сколько бы она ни отрицала. Теперь у него есть подтверждение. Но это не то, что ему нужно сейчас. С этим он позже разберётся, когда почувствует под ногами твёрдую землю. Сейчас его собственное положение слишком зыбко.

В кабинет заходит легат-квестор.

— Где Север и Валериан? — спрашивает Домиций.

— Легат тяжело ранен, в него попал заряд магического огня во дворе. А Валериан... — Блез сверяется с данными винкулума. — Тоже в госпитале, но серьёзных повреждений нет.

Домиций шумно выдыхает. Можно не ждать немедленного ареста, а значит, у него есть время и есть шанс. В голове проясняется, и обрывки мыслей, мельтешащие, как мошки, наконец замедляются.

— Я вызвал команду «Белый шум», — говорит Блез, останавливаясь между стеклом и столом Домиция.

Трибун кивает. Это разумная идея.

— Пока они не пришли... Первую и пятую когорты нужно немедленно отправить в Палатинский регион для усиления. И свяжись с Феррексом, пусть отберет два десятка самых верных людей. Для него у меня отдельное задание.

Дверь отъезжает в сторону, пропуская троих в идеально сидящих строгих чёрных костюмах с золотыми нашивками, с матово-чёрными планшетами в руках. Лица подчёркнуто нейтральные, выхолащенные от эмоций, позы — собранные, готовые к работе. Они тоже солдаты, но невидимого информационного фронта. Команда «Белый шум».

— Садитесь, — бросает Домиций, не оборачиваясь к кураторам восприятия, продолжая вглядываться в застывшее лицо Руфина, видимое пока только ему. Но Блезу достаточно собственного винкулума, чтобы отследить, на что смотрит начальник. Увидев, легат-квестор прилагает заметное усилие, чтобы остаться беспристрастным.

Специалисты переглядываются.

Домиций никак не может заставить себя разжать челюсти, и тогда первым начинает Блез.

— Версия следующая. Скоординированная атака магических заговорщиков на высшее руководство Республики во время приёма во дворце императрицы. Цель — тотальная дестабилизация, устрашение элиты, освобождение ключевого сообщника.

Домиций не дожидается мнений и предложений своих подчинённых. Одобрительно кивнув легату-квестору, он продолжает уже сам.

— Главный исполнитель — Гай Руфин Фабр, заключённый Департамента Юстиции, бывший инженер из Департамента Науки. Он использовал мою жену, Аттию Аквилину, в качестве живого орудия, проводника. Применил к ней мощное ментальное воздействие, которое выжгло её волю и подчинило себе. Она — жертва. Первая и самая заметная — этой отвратительной тактики, направленной на самую основу нашего общества.

В кабинете повисает густая тишина. Домиций коротким жестом смахивает изображение со своей линзы на общий экран — панорамное окно, затемнённое ранее. Все переводят взгляд с экранов, проецируемых их линзами, на общий, где проигрывается видеозапись из дворца. На ней Аттия и он сам. Они прощаются у дверей главного зала.

— Мне пора, — Аттия высвобождается из его объятий под насмешливый взгляд своего отца — Марка Аттия Аквилы, проходящего с женой по ступеням в приёмный зал. Гости парами, компаниями, по одному собираются внутри. Все в цветах своих департаментов.

Аттии нужно идти к своим из Юстиции, Домицию — к военным. Позже они должны были встретиться в зале.

Освободившись, Аттия уходит к боковому проходу, к коридору, через который проводят не слишком знатных гостей. Она оглядывается, прежде чем исчезнуть в тени. Изображение переключается на дополнительную камеру. Она идёт по изгибающемуся полукругом коридору. Вдали уже виднеются несколько вооружённых легионеров, Лициний, Сцевола, пара императорских придворных, распорядители. И он. Маг.

Шаг Аттии в этот момент меняется, не сбивается, нет, делается более широким, чётким и торопливым. За кадром раздаётся крик. Это он, Домиций, зовёт свою жену.

— Вот сейчас, — комментирует он вслух, указывая кураторам момент, в который, по его версии, на Аттию были наложены чары. На удачу, именно с этого момента изображение неумовимо изменилось, будто воздух в коридоре наполнился чем-то прозрачным, густым и потрескивающим. Настоящей магией.

Снова его крик за экраном.

— Я не мог приблизиться, не знаю, что это было, но какая-то невидимая преграда не пускала меня к ним.

На экране его хрупкая жена, не выносившая даже разговоров о насилии, хладнокровно убивает своих коллег из Юстиции, дворцовых распорядителей и легионеров! Легионеров! Обученных, подготовленных солдат! Любой здравомыслящий человек, который её знает, не поверит, что она это сделала, но вот доказательство — прямо перед глазами Домиция, его помощника и трёх кураторов восприятия.

Старший куратор, мужчина с проседью в волосах, медленно кивает, уже просчитывая варианты.

Аттия разбрасывает врагов, словно они тряпичные. Взрыв неподалёку встряхивает дворец, камера дёргается, изображение на экране идёт рябью. Следом — жена Домиция бросается в объятия преступника номер один во всей Республике.

— Очевидно, что она заколдована. — Трибуну противно видеть эту сцену. В том коридоре его обуяла ярость, но сейчас он может взглянуть на картину более трезво и должен признать: и Руфин, и Аттия на записи безумно рады друг другу. В следующий миг он что-то говорит ей, затем изображение будто тускнеет — и тогда растерянность проступает на обоих лицах.

Именно тогда он почувствовал, что преграда пропала, и пошёл к ним. Но в поле зрения этой камеры его нет. Только предатель и жена трибуна Агенобарба. Очень удачно, что она пошатнулась, когда рыжий исчез. Со стороны это выглядит так, будто воля мага, державшая её в плену, оборвалась — и женщина обмякла.

— Это... сильная позиция, префект. Эмоционально заряженная, — произносит наконец старший из кураторов восприятия. — Но «Туман» будет копать именно там.

«Туман» — серьёзная проблема. Так в народе зовут Департамент Внутренней Безопасности — за серо-серебряные одежды служащих. Вечные соперники Войны и Юстиции.

Трибун поворачивает голову к Блезу. Когда тому было девятнадцать, его старшая сестра Семпрония встречалась с парнем, который довольно нелестно высказывался о Республике. В один из вечеров она просто не вернулась домой.

Блез тогда метался по всем инстанциям, от Юстиции и «Тумана» до пропретора Войны, но ему везде отвечали одно и то же: её нет ни в списках заключённых, ни в сводках госпиталей, ни даже в реестре погибших. Испарилась. Как будто её вырезали из реальности. С тех пор Блез не говорит о ней.

— Протоколы сканирования, биомониторинг... — продолжает старший куратор. — «Туман» обожает, когда мы, военные, пачкаем руки в грязи, а потом приходит с метлой и лопатой — вычищать последствия. Начнут с того, что объявят вашу жену либо соучастницей, либо — что для них ещё лучше — жертвой нашего непрофессионализма. Их излюбленный ход. Это позволит отнять дело у Войны, а Юстиция сама себя дискредитировала провалом во дворце. Нам нужны очень веские доказательства.

— Доказательства будут, — отрезает Домиций, наконец поворачиваясь к ним. — Её данные в момент инцидента покажут классическую, учебную картину внешнего воздействия. Все снимки её состояния после — шок, диссоциация, частичная амнезия — лягут в этот нарратив. Ваша задача — упаковать это. Сделать ярко, жёстко, болезненно, чтобы каждый гражданин представил себя на её месте. Она — невинная жертва, хрупкий цветок, растоптанный тварями. Я — её верный защитник, солдат, который едва не потерял самое дорогое. Руфин — исчадие преисподней, гений зла, который превращает женщину из высшего общества в орудие убийства. Республика — под беспрецедентным ударом, который бьёт по дому каждого. Легионы — её единственный щит и меч.

Он видит, как загораются глаза у кураторов восприятия. В их взглядах просыпается азарт охотников. Они уже видят заголовки, голографические ролики, слоганы, которые взбудоражат город. Это не просто задание для них — это их звёздный час, когда куётся история и именно они будут стоять у истоков.

Младший куратор, Юния Секунда, нервно проводит пальцем по интерфейсу экрана. Её винкулум, авторизовавшись, вызывает изображение с камер напротив Департамента Внутренней Безопасности. Люди в сером входят и выходят из стеклянных дверей, подъезжают гравикары, высаживают пассажиров и исчезают за поворотом улицы. «Туман» уже в полном движении.

— А если «Туман» начнёт параллельное расследование? — спрашивает она. Юния отвечает за юридические риски. — Если пойдёт в лоб и запросит допуск к домине Аттии через Сенат?

Домиций резко поворачивается к ней, в его глазах мелькает что-то хищное.

— Домина Аттия — дочь префекта Иллирийской префектуры и сенатора, — напоминает он. — Разрешение «Туману» добраться до неё создало бы очень неприятный для сенаторов прецедент.

Так что сенаторы из кожи вон вылезут, лишь бы уберечь себя и свои семьи. И это Домиций ещё не упомянул, что Марк Аттий Аквиллий — троюродный кузен императрицы.

— Пусть запрашивает. — Домиций стирает изображение с экрана, жестом возвращая окну прозрачность. — К тому времени, как они пройдут все бюрократические круги ада, я уже закончу карательную операцию, названную в честь моей несчастной жертвенной супруги. Императрица обожает решительных людей, Юния. А «Туман» всегда опаздывает к сражению, потому что слишком занят поиском крамолы в чужих мыслях. Мы действуем, в то время как они вынюхивают и болтают. В этом наше преимущество.

Домиций снова кивает в сторону раскинувшегося перед ними города.

— Так что пусть «Туман» копает свои протоколы. Мы будем закапывать в землю настоящих врагов Республики. И все увидят, чей метод действительно эффективен.

Агенобарб переводит взгляд на Блеза. Тот стоит неподвижно, но едва заметный кивок и движение брови подтверждают: подчинённые уже роятся в тысячестраничных томах законодательства, выискивая нужные параграфы. Война, даже такая, даст ему беспрецедентные полномочия в городе, и он обязан использовать их по максимуму, как таран.

— Идите. У вас есть два часа на первый информационный пакет. Я хочу видеть черновики новостных выпусков, макеты для Инфосети и план работы с социальными лифтами. Всех уровней.

Кураторы удаляются почти бегом, их лица уже приобрели отрешённое выражение людей, погружённых в Инфосеть через линзу. В кабинете снова остаются он и Блез.

— Они её разорвут на части, если заподозрят хотя бы грамм обмана, — без единой эмоции, словно объявляя погодные условия, произносит Блез. — Сначала сделают из неё посмешище, потом — ведьму. А потом возьмутся за вас.

— Они ничего не заподозрят. — Трибун наливает себе стакан воды и залпом отпивает половину. — Потому что это не обман. Моя жена действительно была под внешним контролем. Это медицинский факт, который мы сами же и документируем со всей тщательностью. Дадим им именно те доказательства, которые они хотят видеть.

— Но не доказательства контроля со стороны Руфина Фабра, — шёпотом, но чётко произносит Блез.

Домиций замирает с полупустым стаканом в руке. Он очень медленно поворачивается, будто давая возможность легату-квестору взять свои слова назад.

— Что ты сказал?

— Показания выживших легионеров с места инцидента. Тех, что не впали в кататонию. Они единогласно утверждают, что Руфин выглядел... потерянным. Не отдавал приказов. Не контролировал ситуацию. Не казался хозяином положения. И выглядел, если быть точным... — Блез на мгновение переводит взгляд в пустоту, сверяясь с экраном винкулума, видимым только ему.

— Как затравленный зверь. Это цитата, — добавляет он.

Домиций расправляет плечи и разом становится выше. Палатинский регион находится под юрисдикцией Второго легиона.

Для легионеров Восьмого Агенобарб — истинный командир, вождь и брат. Именно его голос, обезличенный и металлический, звучит в эфире во время атак. Его профиль видят на голограммах брифингов. Легион был продолжением его воли — точной и неумолимой, как удар молнии. Эти солдаты не заговорили бы ни о нём, ни о его жене-патрицианке даже с «Тума-

ном». Даже если бы им велел сам легат Восьмого легиона — патриций Гай Юлий Север или его заместитель трибун латиклавий — Валериан, не смыслящий в военном деле.

А во Втором легионе у него нет власти, и говорить те солдаты будут то, что посчитают правдой.

— Он гениальный актёр, — с нажимом произносит Домиций. — Или его система контроля дала сбой в самый неподходящий момент. Неважно. Он — идеальная мишень. Нет влиятельной семьи, которая будет его защищать. Нет ни родовых, ни брачных связей. Нет денег на лучших адвокатов. Зато есть длинная, подробно задокументированная история сотрудничества с магическим подпольем. Он козёл отпущения, которого все, от императрицы до последнего гражданина в Субуре, с радостью и облегчением принесут в жертву, чтобы объяснить себе этот хаос.

Домиций отставляет стакан. Стук стекла о столешницу звучит неожиданно громко в тишине.

— Я сделаю его именем нарицательным для всего, чего боятся в этом городе. Для тёмных переулков, для шороха в темноте, для необъяснимых несчастий. А её сделаю лицом того, что они потеряют. Их хрупкого, благополучного мира, иллюзии безопасности и будущего.

Блез молчит. Его молчание красноречивее слов.

— Отдать приказ для оставшихся когорт, — голос Домиция снова становится командирским. Таким, какой легионеры слышат перед атакой. — Первый и главный приоритет для всех подразделений, включая тыловые службы, поимка Гая Руфина Фабра. Предпочтительно живого, но не ценой жизней наших людей. Второй приоритет — усиление патрулирования в патрицианских кварталах, демонстрация силы и порядка. Ты займёшься подготовкой исчерпывающих сводок для закрытого заседания Сената. Я лично выступлю перед военным комитетом через три часа.

Блез, если и хочет напомнить о Валериане — формально всё ещё вышестоящем, — предпочитает промолчать.

— Слушаюсь, префект.

Домиций остаётся один. Он снова подходит к окну. Город возникает перед ним, величественный и бесконечный. Мириады огней, прямые, как стрелы, проспекты, зелёные провалы парков, где сейчас наверняка прячутся те, кому есть что скрывать. Его город.

Где-то там, в этих каменных джунглях, бродит призрак, единственный живой свидетель, угрожающий всему, что Домиций создавал годами. Где-то здесь, под его ногами, в нескольких уровнях ниже, лежит разбитая, пустая женщина, в чьём теле может таиться чужая, враждебная воля, как мина замедленного действия.

Но это не важно. Важна лишь история, которую Домиций расскажет всем. История о чудовище и прекрасной принцессе, о благородном рыцаре и ужасном драконе. История, которую они сожрут с потрохами, потому что она проста, понятна и даёт им кого-то ненавидеть.

Он поймает этого дракона. Отрубит ему голову и пронесёт по всему городу на пике. А принцессу... принцессу он вернёт в её позолоченную башню. И будет охранять как живое доказательство своей правоты.

Его жена была ядом, травившим его полтора года. Теперь она станет его лекарством.

Глава 3. Руфин

Пространство вышвыривает Руфина, как камень из пращи, посреди отдалённой улицы региона Меркуриалис. Он впечатывается спиной в фасад здания и только после этого падает на влажный асфальт. Тупая тяжесть боли разливается по всему правому боку. В попытке унять её Руфин подтягивает к себе ноги и усаживается, обняв руками колени. Он зажмуривается и старается дышать неглубоко и медленно. Воздух воняет гарью, озоном и едой из дешёвых забегаловок — не слишком приятная смесь, но Руфина он пьянит. Как пьянил бы всякого, дышавшего рециркулированным воздухом подвалов Юстиции много месяцев подряд. На нём роба заключённого. Последнее, что он помнит до испуганного лица Аттии Аквилины в дворцовом коридоре, — вспышка синего света на похожей неоновой улице, удар по спине и чьи-то мощные руки, утаскивающие его в темноту.

Аквилина.

Руфин накрывает ладонью щеку, где прежде его касалась ладонь Аквилины. Этот невольный жест — попытка удержать ощущение прикосновения, как будто узкий сноп света ещё указывает ему направление.

Под ним холодный асфальт. Он на не самой популярной улице Меркуриалиса, но всё же людей в этом регионе всегда много в любое время суток. Сердце торгового Рима. Местные высотные башни стоят так густо, что даже в ясный день естественный свет не достигает дна улиц. Неоновые рекламные галереи мерцают, как в агонии, освещая не праздных покупателей, а толпу испуганных, растерянных граждан. Они разбегаются и кричат, заглядывая в лица друг друга, залитые светом голограмм. Рассыпаются по ответвлениям улиц, прячутся от отрядов легионеров.

Ему стоит последовать их примеру. Спрятаться и затаиться, пока он не разберётся, что, чёрт возьми, с ним произошло. Он пытается встать, опираясь на скользкую от высокой влажности стену. Тело слушается плохо, через силу. Когда он выпрямляется, под правыми рёбрами простреливает боль.

Сжав зубы, он делает шаг, другой, и встраивается в поток людей, спешащих дальше от центра. Нарастает гул толпы, визжат сирены патрульных гравикаров, перекрывающие друг друга, и где-то вдали слышен приглушённый взрыв. Руфин не вслушивается. У входа в торговый блок он замечает валяющуюся на земле куртку, по которой уже топчутся горожане. Подбирает её и надевает поверх своей приметной одежды. От куртки воняет чем-то кислым, чужим телом. Но Руфину выбирать не приходится. Роба Юстиции уже утратила изначальный цвет под слоями крови и грязи. Большинство жителей в панике не обратят на неё внимания, но от глаз легионеров её не скроешь одними лишь пятнами.

Теперь он может хотя бы голову поднять, оценить, где находится, и сообразить, куда бежать.

В небе, разрезая дым, прожекторы выхватывают из темноты фрагменты фасадов, лица в толпе. И повсюду он. Голографические билборды, мерцающие фасады, мигающие экраны — всё заполнено его лицом. Не тем, что он только что видел в отражении одной из витрин. С плакатов смотрит уверенный в себе, холодный патриций Гай Руфин Фабр. Под изображением пылающая надпись: «МАГ. Обвиняется в измене Республике».

Дыхание перехватывает. Руфин инстинктивно отшатывается, прижимается спиной к стене. Сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно над рёвом толпы. Он проводит рукой по коротким торчащим прядям, мысленно благодаря Юстицию за то, что избавили его от самой заметной черты — медно-рыжих волос до плеч, всегда выделявших его в толпе. Для поисков легионеры взяли его устаревшее изображение.

Руфин ныряет в лабиринт боковых улочек. Он не бежит, зная, что это привлечёт внимание, а идёт так спокойно, как только может, прижимаясь к стенам и замирая, когда луч прожектора скользит по улице. Проходит квартал насквозь, петляя по задникам торговых центров, баров и увеселительных заведений, заходя в редкие распахнутые двери, чтобы переждать, пока другие беглецы не скроются из виду. Ему нужно убраться вглубь, в сторону Субуры. Там люди без винкулума — скорее часть пейзажа, чем что-то примечательное.

Он сворачивает в арку, ведущую вниз, в подземный переход. В таких всегда душно и можно нарваться на неприятности. Руфин преодолевает его быстро, втянув голову в плечи и спрятав лицо от камер. Уже на выходе, поднимаясь по замызанной лестнице, он видит их. Патруль легионеров. Их двое, в боевой форме и шлемах с затемнёнными щитками. Они идут медленно, расправив плечи, словно хозяева здесь. Сканируют лица идущих навстречу.

Сердце срывается в галоп. Руфин замирает и, прислонившись к стене, наклоняется. Приоткрывается, что поправляет ботинок. Он не смотрит на легионеров, но почти чувствует на себе их бездушные, электронные взгляды.

— Эй, ты! — раздаётся металлический, искажённый громкоговорителем голос.

Ледяной ужас сковывает Руфина. Это конец. Пот проступает на его лбу, сливаясь в крупные капли. Он готовится бежать. Его, конечно, поймают и арестуют, и тогда уж неминуемой станет прилюдная казнь.

Но голос обращён не к нему. Подняв голову, Руфин видит как легионер грубо хватается за плечо молодого парня, который слишком нервно озирается. Пока слуги закона заняты им, Фабр, не дыша, проскальзывает мимо, вглубь перехода. Он найдёт другой путь, по которому сможет попасть в регион Субура, миновав врата между регионами. Местные же как-то находят. И он найдёт.

Ночная улица пустынна, подслеповатые окна стандартных жилых блоков смотрят на него стеклянно-равнодушными глазами государственного жилого фонда. Где-то с навязчивой регулярностью капает вода, отмеряя секунды его паники. Руфин идёт, чуть не падая от изнеможения, сворачивая наугад, уходя вглубь лабиринта из серых, стерильных с виду, но душных переулков. Он очень устал. Исчезает запах озона, жжёной пластмассы и дорогих ароматизаторов Меркуриалиса, его сменяют запахи чужих кухонь, синтетического мыла и едва уловимого, но стойкого аромата перенаселённости.

Неоновую рекламу здесь сменяют нацарапанные на стенах граффити-теги банд и кричащие голографические объявления о «быстрых займах» и «работе без винкулума». Архитектура становится проще и грубее. Над улицей, словно паутина, сплетаются бельевые верёвки и гирлянды проводов, тянущихся от официальных сетей к нелегальным пробоям.

Вывески здесь на ломаной латыни с вкраплениями варварских наречий. Люди на улицах другие, они не бегут в панике, а затаившись, наблюдают из теней. Их одежда грязнее, взгляды — острее и враждебнее. Здесь не видно щитов легионов, но Руфин чувствует на себе десятки глаз. Он здесь чужой и понимает это.

Официально это всё ещё регион, где Республика обеспечивает достойный уровень жизни граждан. Субура. Здесь под маской благополучия копится нечто иное. В этих «зазорах» системы селятся те, у кого нет винкулума — чужеземцы, нелегалы, неучтённые.

Спасаясь от этих липких взглядов, Гай Руфин Фабр ныряет в зияющий провал атриума одного из жилых блоков. Внутри, в полумраке, кипит суетливая, но отлаженная работа. Группа из четырёх человек загружает в грузовик ящики с причудливым реквизитом: портативные проекторы голограмм, испускающие блёклые, мерцающие миражи, механические куклы, похожие на людей в потрёпанных туниках, металлические дудки и обтянутые искусственной кожей тимпаны.

Их возглавляет темнокожий, худой, как жердь, мужчина в плаще из материала, меняющего цвет под тон окружения. Его глаза прикрыты полупрозрачной серебристой плёнкой, похожей на бельма. Местная замена официального винкулума.

— Смотри-ка, Мутус, — говорит руководитель, не глядя на Руфина. Его тёмные пальцы перебирают в воздухе невидимые струны, и одна из механических кукол поворачивает голову в сторону гостя. — Нашёл нас клоун для трагедии. Весь в грязи и отчаянии. Очень аутентично.

— Я... я просто прохожу, — хрипит Руфин.

— Все здесь просто проходят, — парирует незнакомец. — Одни — через наше шоу, другие — через наши жизни. От тебя несёт крупными неприятностями. Легионеры поднимут на дыбы все трущобы из-за такого аромата. Мутус, проверь-ка, не прилип ли к нашему гостю чей-нибудь виртуальный ярлык?

Один из грузчиков откладывает в сторону коробку и делает движение рукой с зажатым в ней маленьким аппаратом в сторону Руфина. В воздухе перед ним вспыхивает его же собственное лицо с надписью «разыскивается», как эхо, пойманное в сеть их нелегального оборота.

У Руфина всё внутри ухает вниз.

— Я Ларвалий, — представляется руководитель, приложив ладонь к груди. — А это Мутус, Кимвал и Сея Пульвис. Мы бродячий театр. Наша деятельность не то чтобы одобряется правительством, но проблем от нас настолько мало, что нас предпочитают не замечать. Вот только после спектакля, который устроили во дворце эти фанатики, на такую благосклонность от легионеров рассчитывать нечего. Можешь присоединиться к нам, если хочешь. Нам как раз не хватает статиста.

— Куда вы отправитесь?

— В порт Гадес.

«Регион Люминис», — понимает Руфин.

Люминис — поставщик продовольствия для Римской Республики. Мысль о том, чтобы бежать именно туда, кажется одновременно безумной и гениальной. Кто станет искать мятежника в сердце продовольственной логистики, среди агрономов и биотехнологов?

Ларвалий понимающе кивает, заметив, как меняется выражение лица Руфина. Он сложил картину.

— Легионеры там тупеют от скуки, а таможенники ищут в контейнерах жучков-вредителей, а не мага-мятежника. Идиллия. И корабли там ходят... во все уголки страны. С грузом продовольствия.

— Согласен, — выдыхает Фабр, не в силах придумать лучший вариант.

Фургон содрогается и с глухим гулом начинает движение, увозя Руфина прочь от кошмара. Его задвинули в самый угол, сразу после того, как Сея Пульвис при помощи грима нарисовала ему другие черты лица, и, кажется, на время о нём забыли. Он краем уха слышал разговоры спутников, но разобрать слов не мог.

Может, они сдадут его первым попавшимся легионерам и разыграют из себя героев, поймавших мятежника. А может, их незаконный статус и спешка убратись из Рима до репрессий сослужат ему добрую службу.

Шторка, отделяющая склад из коробок, сдвигается. Ларвалий, пригнувшись, заходит в узкое заставленное пространство и усаживается на соседней коробке. Серой плёнки на его глазах больше нет, но в полумраке всё равно не разобрать, какого они цвета.

— Почему вы помогаете мне? — это единственная мысль, которая сейчас есть у Руфина, и он озвучивает её.

Артист поворачивается к Руфину, и его пальцы снова начинают свой сложный, невидимый танец в воздухе.

— Ты боишься не только легионеров, Гай Руфин Фабр, но и нас. Это разумно. — Ларвалий пожимает плечами. — Но сейчас — неразумно.

Он раскрывает ладонь. В ней пусто. Но в коробке, за которой он прячется, слышится шевеление. Одна из механических кукол выглядывает из-за края и машет ему. Только сейчас, сосредоточившись, Руфин видит нити.

Тонкие нити света окружают куклу и тянутся через фургон к пальцам Ларвалия, намотанные вокруг них, как на катушки. Они тоже маги. По крайней мере один из них. Руфин немного расслабляет плечи и откидывается на стенку фургона. Прозрачный куб, лежащий рядом на одной из коробок, загорается голубоватым светом. Руфин и Ларвалий одновременно поворачивают к нему лица. На его грани мерцают новости.

«...префект Восьмого легиона столичной префектуры, Марк Домиций Агенобарб берёт на себя руководство операцией по зачистке центральных регионов от остатков мятежников...»

Изображение переключается на дворец. Глашатай с каменным лицом объявляет: «...Гай Юлий Север, легат Восьмого легиона, тяжело ранен в результате подлого нападения во время приёма во Дворце. Временно не может исполнять обязанности...»

Этого... как его там... Валериана даже не упоминают. Горло перехватывает. На грани куба показывают фотографию Домиция. Спокойное уверенное лицо, приподнятый волевой подбородок. Боевая форма безукоризненна, каждый ремень застегнут, каждая нашивка на месте. Не человек, а неумолимая функция военной машины.

Ларвалий беззвучно фыркает.

— Как будто до этого не было понятно, кто на самом деле держит поводья Восьмого. Этот Агенобарб... — он произносит имя с лёгкой насмешкой, — центральными районами не ограничится. Его рвение известно. А ты теперь записан у него в личных врагах.

Он смотрит прямо на Руфина, и в его взгляде читается сочувствие, будто они не оба загнаны в один и тот же угол.

— Этот будет рыть везде. Но в Гадесе у нас есть шанс. Есть знакомые. Люди, ценящие искусство больше, чем военные ордера.

— Хорошо бы так, — отзывается Руфин. Он прислоняется головой к стенке, намереваясь дать отдых глазам.

Руфин зажмуривается, и под веками ему является Аквилина — не окровавленная и застывшая в шоке, а такой, какой он видел её перед провалом. Её тёмные волосы колышутся ночным ветром, отражая отсветы неоновых вывесок. В серых глазах прячется улыбка предвкушения, острая и безрассудная, заставляющая сиять всё её лицо. Её пальцы сжимают его руку с такой силой, будто он — единственное, что удерживает её от шага в бездну, к которому они оба были готовы. Через минуту к ним должны присоединиться Валерия Мессалина и Квинт Гортензий Гортал, но этот миг, это воспоминание принадлежит только ему.

— Какой сейчас день? — не подняв век, спрашивает Фабр у спутника.

— Шесть дней до декабрьских ид.

Руфин кивает.

— А год?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.